

Функциональные особенности конфликтного дискурса

Н. А. Белоус

(Ульяновский государственный университет)*

Статья посвящена выявлению функциональных характеристик конфликтного дискурса. Автор указывает на наличие уровней и единиц функционально-семантического представления конфликтного дискурса, обеспечивающих его коммуникативную целостность. Представлены матрица функциональных особенностей и доказательства иерархии взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры конфликтного дискурса.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, функционально-семантическое представление, матрица функциональных особенностей, иллокутивная структура.

Functional peculiarities of conflict discourse

N. A. Belous

(Ulyanovsk State University)

Abstract: the article is dedicated to the analyses of conflict discourses' functional features. The author pointed out the existence of levels & the elements that provide the communicative integrity of conflict discourse functional & semantic representation. There are functional peculiarities matrix & evidence relationship hierarchy among the elements of conflict discourse illocutive structure.

Keywords: conflict discourse, functional & semantic representation, a functional peculiarities matrix, illocutive structure.

Диалогическое пространство является одной из современных проблем коммуникативного и когнитивного направлений лингвистики, достижения которых позволяют все более детально выявлять особенности взаимоотношений языка и человека мыслящего и говорящего в рамках человеческого речевого поведения. Пристальное внимание к исследованию проблемы коммуникативного успеха лингвисты обратили, главным образом, во второй половине XX в. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации, связанная с эффективностью реализации языковых знаков в плане воздействия речевой интеракции на поведение коммуникантов в условиях конкретных ситуаций различного характера, являлась и является предметом изучения ряда отечественных и зарубежных ученых (Апресян, 2003; Кусов, 1999; Леонтьев, 1969; Падучева, 1996; Романов, 1986, 1988, 1991, 2002, 2004, 2005; Сусов, 1986, 1990; Спивак, 1977; Austin, 1963; Downes, 1977; Fraser, 1975; Gale,

1976; Searle, 1977; Strawson, 1964). Но остается открытым вопрос о функциональной роли речевых конфликтных произведений собеседников в рамках динамической модели диалогического общения; недостаточно исследованы конфликтные дискурсивные практики в ходе реализации субъектами речевых действий регулятивной деятельности как набора функционально-прагматических единиц — регулятивов, предназначенных решать конкретные коммуникативные задачи в конфликтной речевой интеракции, которая может реализовываться в дискурсивных образованиях, построенных в соответствии с функционально-семантическим представлением конфликтного дискурса.

Актуальность обращения к теме функциональных особенностей конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве объясняется наличием устойчивого интереса к проблемам конфликта как такового в рамках различных научных дисциплин и отсутствием

* Белоус Наталья Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей факультета иностранных языков и профессиональной коммуникации Института международных отношений Ульяновского государственного университета; докторант Тверского государственного университета. Тел.: (8422) 32-06-41. Эл. адрес: belous@ulsu.ru; belous66@mail.ru

систематического описания этого феномена с позиций коммуникативной лингвистики. Наше исследование проводится в свете решения общей лингвистической задачи — различения контекстов конфликтного дискурса и случаев их прагматического употребления.

В качестве *конфликтного дискурса* (далее — КД) выступает такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают различные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга.

Функциональная специфика, которая определяет содержание КД, воплощается в прагматической характеристике его языковых единиц. Прагматическая перекодировка моделирует новых адресата/адресанта на протяжении выявления оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц.

Отличительной чертой прагматических отношений реципиентов КД является наличие явной, скрытой не/осознанной агрессивности. Основу конфликтного сознания реципиентов КД составляют стереотипы, ориентация, предпочтения, тесно связанные с враждебностью. Речеповеденческими актами субъектов КД являются символические действия агрессивного характера.

Направленность конфликтного дискурса связывается с ролью, исполняемой каждым из коммуникантов/реципиентов, иллокутивные намерения которых противоположны. Участники-субъекты КД находятся в состоянии противоборства. Языковые средства представления «враждебности» являются семантической основой функционирования означаемого КД.

Интенсивность распределения и причины появления конфликтных маркеров (которые могут иметь не/вербальный, имплицитный и эксплицитный характер) зависят от иллокутивных намерений реципиентов КД и от влияния условий пресуппозиционной базы на содержание иллокутивной доминанты КД. Иллокутивная цель оскорбляющего коммуникан-

та в процессе КД заключается в совершении социально значимых поступков, негативно маркированных с точки зрения системы общественных социальных ценностей, влияющих на выбор речевого поведения объекта оскорбления. По характеру интенционального взаимодействия зачинщика и вовлеченного коммуниканта коммуникативные конфликтные ситуации разнообразны.

Функциональные особенности КД позволяют выделить типы КД, определяемые особенностями речевого поведения коммуникантов КД: КД, характеризуемый неуправляемым взрывом потенциальной энергии, и спонтанный КД, затрагивающий нравственно-психологический аспект взаимоотношений реципиентов.

Корпус примеров (общий объем — 4800 диалогов, в том числе 2457 на русском языке и 2343 — на английском) позволяет указать на характерные сценарии КД:

комиссивный сценарий декларативно-экспрессивного дискурса;

сатисфактив в составе контактивно-регулятивного фрейма;

редко встречаются регламентивы как варианты контактивно-регулятивного фрейма;

еще реже встречаются аргументативы — при участии в КД зачинщик для достижения своих целей часто использует директивный фрейм, тогда как вовлеченному коммуниканту следует нарушать коммуникативный план зачинщика для реализации своих иллокутивных намерений.

Целостность дискурса в функциональном плане обеспечивается его коммуникативной направленностью.

Функционально-семантическое представление дискурса (термин проф. А. А. Романова) (далее ФСП) отражает акт референтой привязки содержания текста к целевому (иллокутивному) акту (Романов, 1991). ФСП дискурса конфликтного характера включает в себя различные уровни, соединение которых обеспечивает его целостность как коммуникативной единицы.

Иллокутивный уровень опирается на коммуникативный смысл конфликта и языковую

форму его выражения, что дает возможность описания этого уровня с помощью семантических и формально-грамматических средств, здесь находит свое выражение интенция коммуникантов КД.

Единицей уровня является иллокутивный акт. Под иллокутивностью понимается способ речевой привязки коммуникантов КД в процессе реализации инструментальной функции языка.

Примером иллокуции в КД могут быть вариации на тему «Я абсолютно/частично против твоих намерений», реализуемые комбинациями следующих типов:

«Что такое вы себе позволяете...»;

«Я прошу тебя, а ты не...»;

«Я так хочу, чтобы ты не...»;

«Неужели ты не можешь...»;

«Я тебе велю, но ты не...» и подобные.

Иллокутивная доминанта

(P1: Как же можно было не заметить такую фундаментальную ошибку?)

P2: Это не ошибка, по моему-то мнению!

P1: Ну ты и бестолочь!

P2: Сам дурак!) играет роль зачина в иерархии иллокутивной последовательности потенциальных единиц, которые приобретают конфликтную окраску в процессе обмена иллокутивными намерениями.

Единицей тематического уровня является пропозиция, актуализированная реципиентом КД в конфликтном речевом контексте. Актуализированная пропозиция в дискурсе конфликтного характера представляет собой объединение пропозиции и выбранных реципиентом КД актуализаторов (спецификаторов, маркеров КД) для выхода/входа в дискурс конфликтного характера.

Пропозиция — это такая конфигурация фактов, которая отражает отношение-сочетание «столкнувшихся» предметов, объединенных регулятором (субъектно-объектным отношением; так, школьник о намерении учительницы схитрить в игре:

«Вот это да! А еще учительница! Учительница французского!»).

По пропозициям складывается характер отношений между объектом КД и субъектом

КД, как только подключается еще один коммуникант КД, образуется дискурс. Способ языковой реализации коммуникативного, а именно конфликтного содержания определяется в немалой степени иллокутивной направленностью текста репликовых шагов в опоре на пропозициональные актуализаторы. Кроме того, каждый конфликтный дискурс имеет пресуппозиционную базу как обязательное обстоятельство существования КД.

Функциональные особенности КД можно оценивать сквозь призму прагматического фактора, тогда получаем типы КД, определяемые речевым поведением зачинщика КД, и КД, определяемые речевым поведением вовлеченного коммуниканта КД. Учет речевого поведения зачинщика принципиально важен, потому что роль зачинщика не исчерпывается признаком пассивности.

С одной стороны, у зачинщика есть свои типовые поведенческие реакции.

С другой стороны, зачинщик сам в той или иной мере выступает фактором КД.

Все это позволяет утверждать, что коммуникативная роль зачинщика — конституирующий признак функциональных особенностей коммуникативных конфликтов.

Матрицу функциональных особенностей КД составляют следующие принципиальные параметры.

С позиций зачинщика типы конфликтных коммуникативных ситуаций определяются фактором интенции: по этому признаку они делятся на осознанно проводимые и непреднамеренные.

С позиций вовлеченного коммуниканта основной функциональной особенностью выступает результативность — наличие или отсутствие его реакции на конфликтогенные элементы.

По характеру иллокутивного взаимодействия зачинщика и вовлеченного коммуниканта коммуникативные ситуации разнообразны.

Например, с позиций зачинщика возможны следующие типы иллокутивного содержания: зачинщик оценивает вовлеченного коммуниканта как объект необходимой, справедливой по содержанию критики; зачинщик ощу-

щает себя спровоцированным вовлеченным коммуникантом и, следовательно, обязанным дать адекватный отпор; зачинщик намерен обратить конфликтную ситуацию в свою пользу, сознательно использует слабости вовлеченного коммуниканта, к которым, в частности, может относить чрезмерную обидчивость.

С позиций вовлеченного коммуниканта существенную роль играет его оценка преднамеренности действий зачинщика, их справедливости и адекватности. Выбор сценария зависит в основном от социального статуса коммуникантов КД. Если социальный статус зачинщика выше, выбирается инъюктивный (реже инструктивный) сценарий. Но сам характер маркеров КД предполагает понижение социального статуса вовлеченного коммуниканта, поэтому зачинщик может избрать директивный фрейм в качестве основы построения дискурса, даже если его социальный статус ниже инвектируемого субъекта, тем более в ситуации, когда социальные статусы реципиентов КД равны. Выбирая декларативно-экспрессивный фрейм в качестве основы построения КД, зачинщик чаще использует экспозитивный и комиссивный сценарии, применяя угрозу как основное средство воздействия на вовлеченного коммуниканта и понижения его статуса.

По функциональному содержанию конфликта КД можно разделить на:

- объективные/субъективные КД;
- принципиальные/случайные;
- ситуативные КД.

Функциональные особенности КД могут зависеть от статусных взаимоотношений зачинщика и вовлеченного коммуниканта. Выделим некоторые типы КД, принимая за критерий выделения прагматический фактор:

1. КД, характеризующийся неуправляемым взрывом потенциальной энергии: реализация двух агрессивных энергетических потенциалов трансформируется в резкую вербальную агрессию.

Пример 1 (скрипт устной беседы):

P1 — водитель, муж.; P2 — водитель, жен.; дорога; вечер; P1 «подрезает» P2; P1>P2.

P1: Эй ты, обезьяна с рулем, ты куда

прешь?! (1)

P2: Сам смотри куда едешь, олух! (1а)

P1: Научись руль в руках держать, а потом уже машину покупай, идиотка!!! (1б)

2. Спонтанный КД, затрагивающий нравственно-психологический аспект взаимоотношений коммуникантов.

Пример 2 (В. Пелевин «Чапаев и Пустота»):

P1 — Сердюк; P2 — Мария; P1>P2; помещение; вечер.

P1: Дурак ты, Мария, — презрительно сказал Сердюк. — Неужели ты не понимаешь, что у вас с Арнольдом любовь только здесь может быть?(1)

P2: Фильтруй базар! (1а) А то я тебе, журавлиная морда, этим бюстом башку разобью. (2)

P1: Ну попробуй, козёл, — сказал побледневший Сердюк, вставая со стула, — попробуй! (2а)

P2: А я и пробовать не буду, — тоже вставая, ответила Мария, — я просто сделаю и всё. За такие слова убивают, в натуре. (3)

Социальная действительность, окружающая человека, создает его особое видение мира, восприятие поступающей информации и оказывает влияние на выбор им языковых средств выражения эмоциональности в процессе КД.

Дифференциация общества по социальному статусу обуславливает социальную дифференциацию языковых средств выражения эмоциональности в процессе КД.

Обычно общество делится на несколько страт: социальная индикация речи наиболее четко проявляется при конфликтной речевой деятельности представителей двух полюсов общества, высшего класса и низшего класса.

Пример 3 (Sheldon S. Tell me your dreams):

P1 — Walter Manning, представитель более высокого социального уровня, именно он выступает в качестве инициатора конфликта; P2 — Alette; P1>P2; мастерская; полдень.

P1: This has to be a unanimous decision. My daughter's a professional artist — he looked at Alette — not a dilettante. She did this as a favor. We can't turn her down. (1)

P2: *But, Walter. (1a)*

P1: *No, sir. This has to be unanimous. We are either giving him my daughter's painting or we don't give him anything at all. (2)*

P2: *I ... like her painting very much. Let's give it to the pastor. (2a)*

В процессе КД менее образованные и более молодые коммуниканты склонны к неприимости в силу невозможности мгновенно оценить установку собеседника и, стараясь произвести впечатление на слушающего, теряют возможность контролировать свои риторические позиции.

Специфика социальной дистанции определяется такими факторами, как равноположенность или неравноположенность по статусу общающихся. В некоторой степени особое значение в ситуации не/ равноположенности коммуникантов имеет сформулированный П. Грайсом принцип кооперации, соблюдение которого определено зависит от социального статуса говорящего и его представления о социальном статусе слушающего.

Например, если инициатор КД выше по статусу, чем вовлеченный в КД, и не представляет «особой ценности» для говорящего, он может вполне отказаться от соблюдения принципа кооперации с целью прекратить интеракцию в короткий срок.

Данный пример 4 (Show I. Nightwork.) представляет одну из возможных комбинаций факторов:

P1 — Dr. Patterson, обладает более высоким статусом; P2 — Jim Cleary; P1 > P2; дома у P; поздний вечер; ситуация — позднее возвращение с вечеринки.

P1: *Do you have any idea how late it is? (1) (ИД)*

P2: *I am sorry, sir. The party. (1a) (ИД)*

P1: *Don't give me any of your goddamn excuses. Who the hell do you think you are fooling? (2)*

P2: *I'm not. (2a)*

P1: *From now on, you keep your goddamned hands off my daughter, do you understand? (3)*

P2: *Sir. (3a)*

P1: *You keep out of this. He was screaming now, Cleary, I want you to get the hell out of here*

and stay out. If I ever see you around here again, I'll break every bone in your body. (3б) (ИД)

Регламентивы как варианты контактивно-регулятивного фрейма в КД встречаются не часто, они используются автором для достижения эффекта экспрессивности.

Аргументативы встречаются реже, но их использование может повернуть дискурс в такое русло, где зачинщик, намеревавшийся унижить вовлеченного коммуниканта, сам оказывается на позиции вовлеченного коммуниканта, а дискурс переходит в незапланированный им фрейм. В любом случае КД возникает на позиции рассогласования коммуникативных тактик коммуникантов, так как они преследуют различные цели.

Как было заявлено, фреймовый сценарий реализации типового иллокутивного потенциала задает иерархический характер взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры КД.

Пример (Dagen W. Problem child), где участники конфликтной интеракции находятся в пределах неравноположенных статусно-ролевых отношений:

горничная (P2) < хозяйка (P1) дома; действие происходит в доме P1; полуденное время суток.

P1: *Ruby! I need a bottle of champagne. We are going to celebrate. May I have a key to the liquor cabinet, please? (1)*

P2: *What key? (1a)*

P1: *The key, Ruby. (2)*

P2: *There is no key. Do you want to take this conversation outside? (2a)*

P1: *Bring me the key!!! (3) (ИД)*

P2: *Ok! And fix your hair, or you look like the damned cockatoo. (3a)*

P1: *She is such a fabulous assistant! (4)*

Появление иллокутивной доминанты, содержащей конфликтный маркер, свидетельствует о начале открытого конфликтного взаимодействия. Рамки локальной и темпоральной пресуппозиций являются ограничителями возникновения и развития конфликтной ситуации.

Таким образом, дискурс конфликтного характера в функционально-семантическом

представлении включает в себя иллокутивный, тематический и манифестационный уровни. Единицами уровней, формирующих функционально-семантическое представление конфликтного дискурса, являются следующие: тематического уровня — пропозиция (актуализированная реципиентом КД в конфликтном речевом контексте); иллокутивного — иллокутивный акт; лексико-синтаксического манифестационного — языковые средства, выбранные коммуникантами для обмена репликовыми шагами.

КД характеризуется наличием иллокутивных намерений участников конфликтной интеракции, определенным набором пропозиций, а также пресуппозиционной базой, которая обеспечивает устойчивость показателей целостности КД.

Иерархия взаимоотношений между составляющими иллокутивной структуры дискурса задается фреймовым сценарием реализации типового иллокутивного потенциала. Матрицу функциональных особенностей составляют осознанно провоцируемые и непреднамеренные конфликтогенные элементы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян, В. Ю. (2003) ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Труды Международной конференции «Диалог 2003». М. С. 45–48.

Кусов, Г. В. (1999) Суггестивная функция языка судебного разбирательства // Единство системного и функционального анализа языковых единиц // Материалы международной научной конференции. Белгород : БГУ. С. 47.

Леонтьев, А. А. (1969) Язык, речь, речевая деятельность. М.

Падучева, Е. В. (1986) Высказывание и его соотношенность с действительностью // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс. С. 153–158.

Романов, А. А. (1986) Уровни функционально-семантического анализа текста //

Текст. Контекст. Подтекст. М. С. 10–17.

Романов, А. А. (1988) Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : ИЯ АН СССР, Калининский СХИ.

Романов, А. А. (1991) Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации : сб. науч. тр. М. : ИЯ АН СССР. С. 82–99.

Романов, А. А., Сорокин, Ю. А. (2004) Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. М. : ИЯ РАН. С. 246.

Романов, А. А. (2005) Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. М. : ИЯ РАН.

Сусов, И. П. (1990) Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы // Прагматика этноспецифического дискурса. Калинин : Калининск. гос. ун-т.

Сусов, И. П. (1986) Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин : Калининск. гос. ун-т.

Спивак, Д. Л. (1987) Лингвистика измененных состояний сознания: проблема текста // Вопросы языкознания. № 2. С. 77–83.

Austin, J. L. (1963) Performative — Constativ // Philosophy and Ordinary Language. Urbana : Univ. of Illinois Press. P. 22–54.

Downes, W. (1977) The Imperatives and Pragmatics // Journal of Linguistics. Vol. 13. № 1. P. 77–97.

Fraser, B. (1975) Hedged Performatives / B. Fraser. Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y. etc. : Academic Press. P. 187–210.

Gale, R. (1976) Do performative utterances have any constative function // The Journal of Philosophy. Vol. 67. No. 12. P. 117–121.

Searle, J. R. (1977) A Classification of Illocutionary Acts // Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implications. Arlington : Univ. Press. P. 27–45.

Strawson, P. F. (1964) Intention and Convention in Speech Acts // Philosophical Review. Vol. 72. P. 439–460.